

Н. Г. Патрушева

Начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельград о цензуре в России

Статья посвящена недавно опубликованным мемуарам одного из начальников Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда, в которых он касается многих вопросов, связанных с цензурным законодательством и практикой его применения. Автор уделит внимание драматической цензуре, правительственной печати и Осведомительному бюро, рассказал о периоде становления журнала «Книжная летопись», организации выставок печати. Мемуары содержат уникальный материал, позволяющий обогатить и расширить наши представления о характерах, служебных отношениях чиновников цензурного ведомства, отражают также взгляды автора, знакомят с его позицией по различным вопросам.

Ключевые слова: исторические источники, воспоминания, цензурные учреждения, А. В. Бельгард, цензура в России

Natalja G. Patrusheva

Head of the Main Department for the press Aleksey V. Belgard about the censorship in Russia

The paper deals with recently published recollections of Aleksey V. Bellegarde, one of the Head of the Main Department for the Press, referring to many questions of censorship law and enforcement practices. The memoirist discusses dramatic censorship, official press and the Information Bureau, describes the formative years of the journal «Knizhnaia letopis», and organization of press exhibition. The memoirs contain unique material enriching and extending our concepts of characters and official relations in the censorship department, and reflect the author's views and positions on various issues.

Keywords: historical sources, recollections, censorship agencies, Aleksey V. Bellegarde, censorship in Russia

Одним из источников изучения истории цензуры в России во второй половине XIX в. являются воспоминания современников. Авторы мемуаров рассказывают о повседневной цензурной практике, взаимоотношениях авторов и редакторов с цензорами, о специфике работы цензурных учреждений. Зачастую воспоминания содержат информацию, которой не обладают официальные документы: они дают представление о закулисной стороне событий, особенно существенной в цензурном деле, уточняют приводимые в документах сведения, помогают почувствовать дух эпохи, атмосферу происходивших событий. Ценность мемуаров заключается в обилии фактов и своеобразии портретов и характеристик действующих лиц.

Немногие воспоминания о цензуре изданы в виде отдельных книг, в основном они рассеяны в различных сборниках и исторических журналах. Часто материал о цензуре приходится извлекать из публикаций общего характера, охватывающих различные аспекты деятельности мемуаристов.

В 2009 г. издательство «Новое литературное обозрение» в серии «Россия в мемуарах» выпустило воспоминания российского государственного деятеля, сенатора Алексея Валериановича Бельгарда (1861–1942) – совместную работу

исследователей из Великобритании, Эстонии и России. В первой части освещен период, когда Бельгард занимал пост губернатора Эстляндской губернии (1902–1905), во второй – начальника Главного управления по делам печати (1905–1912)¹.

Прадед Бельгарда, француз, переселился в Россию в царствование Екатерины II. Дед и отец Бельгарда были генералами в русской армии. Алексей Валерианович окончил Императорское училище правоведения, затем служил в Риге товарищем прокурора, присяжным поверенным, затем в Москве по Министерству внутренних дел, в 1900 г. был назначен членом Главного управления по делам печати. В 1901 г. Бельгард исполнял обязанности вице-губернатора Лифляндии, с 1902 по 1905 г. – эстляндского губернатора. Затем, в 1905 г. был назначен на должность начальника Главного управления по делам печати, а в 1912 г. сенатором. В 1914 г. его утвердили генеральным комиссаром Международной выставки в Лейпциге, где он застал начало Первой мировой войны. В 1918 г. Бельгард эмигрировал в Ригу, затем в Германию. После прихода к власти фашистов он был вынужден переехать из Берлина в Эстонию, в 1940 г. опять в Германию, где скончался в 1942 г.

Его архив, включавший дневник, письма и другие документы был изъят во время обыска в 1917 г. Бельгард работал над своими воспоминаниями в эмиграции, стараясь по памяти восстановить события. Рукопись сохранила жена его сына. После неудачной попытки опубликовать ее в 1950-е гг. она была передана историку Николаю Ефремовичу Андрееву, преподававшему в Кембриджском университете в Великобритании. Воспоминания изданы спустя полвека благодаря дочери Андреева – Екатерине Николаевне Андреевой. Первая часть воспоминаний о службе в Эстляндском крае раньше публиковалась на эстонском языке², а отдельные главы из второй части – в альманахе «Мосты» и сборнике «Николай II»³.

* * *

В воспоминаниях А. В. Бельгард касается многих вопросов, связанных с цензурным законодательством и практикой его применения, отношением к этому императора. Уделено внимание драматической цензуре, правительственной печати и Осведомительному бюро, призванному влиять на общественное мнение. Освещены период становления журнала «Книжная летопись», организация выставок печати, вопросы авторского права. Мемуары содержат уникальный материал, позволяющий обогатить и расширить наши представления о характерах, служебных отношениях чиновников цензурного ведомства, отражают также взгляды главного героя, знакомят с его позицией по различным вопросам.

Прежде всего, интересно отметить отношение автора к его назначению руководителем цензурного ведомства. Время, когда Бельгард занял этот пост, было очень сложное – старая цензурная система рушилась, новая еще не была создана. Он пишет, что эта должность была ему неприятна, и он несколько раз старался выйти в отставку⁴, тем не менее прослужил начальником Главного управления по делам печати 7 лет⁵.

Первое же близкое знакомство Бельгарда с новыми служебными обязанностями – ему показали нелегальные издания и статьи, которые повлекли наложение ареста на газеты – привело его к мысли о том, что законы о печати больше не действуют. Он «сразу же почувствовал полное бессилие того оружия, которым <...> призван был бороться»⁶, тем не менее потребовал от цензоров строжайшего соблюдения существовавших законов о печати и отменил ряд устаревших циркуляров⁷.

Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего свободу слова, вызвало замешательство в среде высших чиновников.

Бельгард пишет, что все понимали, что «с изданием Манифеста как-то все должно измениться, но в то же время считалось, что цензурное ведомство, пока оно не упразднено законом и не заменено каким-либо другим учреждением, должно продолжать свое существование и как-то функционировать»⁸. Он неоднократно получал распоряжения сверху, в частности от С. Ю. Витте, о необходимости принять меры, чтобы не допустить выхода в свет какой-нибудь газеты с нежелательной статьей. Своему товарищу по училищу правоведения он изливал свое негодование по поводу подобных требований: «Я вообще не могу в созданных правительством условиях исполнять служебные обязанности и с нетерпением буду ждать, когда меня от них освободят, или же пусть Витте сам укажет мне, как я должен исполнить то, что он от меня требует»⁹.

Вопрос «что нам делать с печатью?» повторяли все высшие государственные чиновники. Бельгард вспоминает, что ему приходилось быть невольным свидетелем борьбы, происходившей в заседаниях Совета министров, обсуждавших новые правила о печати, «между сознанием необходимости проведения в жизнь тех свобод, которые были возведены в Высочайшем Манифесте, и стремлением как-нибудь остановить безудержно осуществлявшееся злоупотребление этими свободами и восстановить пошатнувшееся значение правительственной власти»¹⁰. Бельгард отмечает, что значительно осложнилось и положение служащих цензурного ведомства: «Цензурный комитет посменно заседал чуть ли не круглосуточно, и в особенности по ночам». Для ускорения работы в Комитете почти безотлучно находился товарищ прокурора Судебной палаты или кто-нибудь из Прокурорского надзора. Комитет выносил постановления об аресте изданий, доставленных ему полицией, и о передаче их прокурору, который немедленно возбуждал против виновных судебное преследование¹¹.

Характеризуя Временные правила о печати 1905–1906 гг., Бельгард подчеркивал их несовершенство, однако считал, что они представляли «значительный шаг вперед» по сравнению с прежними законами, так как самым существенным в них была отмена всех административных мер воздействия на печать с установлением ответственности по суду¹². Он утверждает, что, «как показывает история всего европейского законодательства, ни в одном государстве никогда не было еще создано сколько-нибудь удовлетворительного закона о печати, ибо, как и в России, во всех странах мира эти законы являлись всегда продуктом борьбы между двумя диаметрально противоположными силами: революцией и ре-

акцией, и лишь после наступавшего равновесия сама жизнь делала оградительные меры против свободы печати ненужными»¹³.

Интересны описываемые Бельгардом ситуации, демонстрирующие, что высшие чиновники империи, да и сам Николай II, не понимали сути новых правил и стремились управлять печатью по-старому – административными методами, нарушая закон. Так, например, в 1911 г. Николай II согласился удовлетворить ходатайство Александры Львовны Толстой и издателя В. Г. Черткова и лично осуществить предварительную цензуру посмертного издания не напечатанных ранее произведений Л. Н. Толстого по примеру императора Николая I, цензуровавшего произведения А. С. Пушкина¹⁴.

Бельгард вынужден был писать министру Императорского Двора В. Б. Фредериксу: «С отменой в силу именных высочайших указов от 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г. как общей, так и духовной предварительной цензуры, разрешение вопроса о допустимости и недопустимости распространения всех без исключения печатных произведений предоставлено исключительно суду, который <...> имеет обязанностью подвергать аресту и уничтожению только такие произведения тиснения <...>, в которых заключается состав преступного деяния, предусмотренного законами уголовными. Таким образом, существующий ныне обязательный просмотр отпечатанных произведений чинами ведомства Главного управления по делам печати не имеет уже ничего общего с предварительной цензурой, которая в прежнее время окончательно разрешала к печати сочинения, представлявшиеся на ее рассмотрение в рукописях, и делала в них собственной властью необходимые исключения»¹⁵.

Тем не менее рукопись издания была представлена Бельгарду на предварительную цензуру: «По странной иронии судьбы, – пишет Бельгард, – через несколько лет после окончательного упразднения предварительной цензуры, она вновь вызывалась к жизни для выпуска в свет посмертного издания произведений одного из величайших русских писателей, да еще по ходатайству едва ли не самых близких ему людей». Бельгарду была передана просьба министра Императорского Двора «оказать содействие к устранению возможности наложения ареста» на издание «путем предварительного просмотра этого издания в рукописи», и сообщалось, что Толстая и Чертков «заранее соглашались на все исключения <...>, даже если бы в исключенных местах не было ничего противного закону», так как они «крайне заинтересованы в скорейшем беспрепятственном выпуске этого издания в продажу». «Я отказывался верить, чтобы люди,

как будто казавшиеся идейно наиболее близкими Толстому, могли так бесцеремонно отнестись к его произведениям», – пишет Бельгард. Рекомендации по исключениям были сделаны цензором Петербургского комитета по делам печати, и издатели исключили все, что было отмечено, но когда вышел первый том произведений Толстого, то оказалось, что все указанные комитетом и исключенные издатели места обозначены в книге точками, как отмечал Бельгард, «без всякого, конечно, указания, что эти места исключены по желанию самих издателей»¹⁶.

Неоднократно Бельгард получал от Николая II распоряжения о прекращении упоминания имени Г. Е. Распутина в периодической печати, так как ему «надоела газетная травля Распутина». Прежде всего, Бельгард настаивал на том, чтобы императору было доложено, что по закону «с отменой предварительной цензуры и, в особенности, после исключения из Устава той статьи закона, которая ранее предоставляла министру внутренних дел право запрещать газетам касаться тех или иных вопросов, указанное Высочайшее повеление исполнено быть не может и что с установлением ответственности печати по суду, даже если бы в газетных статьях о Распутине заключались признаки преступления, правительственные органы были лишены возможности помешать частичному распространению этих газет, так как арест на газеты может быть наложен только после выпуска их из типографии, а потому известное количество номеров все же всегда успевало разойтись»¹⁷. Понимая, что волю государя все же необходимо исполнять, Бельгард посоветовал, используя личный авторитет председателя Совета министров и министра внутренних дел, постараться повлиять на редакторов крупных газет, чтобы они временно воздержались от помещения статей, касавшихся Распутина, что и было сделано. Позднее П. А. Столыпин передал Бельгарду, что Николай II, узнав о принятых мерах, сказал, что понимает создавшееся положение и сочувствует начальнику Главного управления по делам печати, который находится в тяжелых условиях.

Подобная ситуация, возникшая после вступления А. А. Макарова в должность министра внутренних дел, когда император вновь потребовал, «чтобы была наконец раз навсегда прекращена травля Распутина», не была разрешена из-за упрямства нового министра. Переложив всю ответственность на Бельгарда, министр без его ведома (нарушая закон) послал телеграмму московскому генерал-губернатору с предписанием «принять решительные меры к недопущению печатания в газетах каких-либо статей или заметок о Распутине». На следующий день

в газетах появились статьи о «возмутительном» превышении министром внутренних дел своих полномочий с упоминанием имени Распутина¹⁸.

Юрист по образованию, Бельгард считал необходимым коренным образом изменить цензурные законы. Из воспоминаний мы узнаем, что он составил проект устава, который до сих пор остается неизвестным исследователям. В его основу был положен принцип последовательных взысканий денежных штрафов без замены арестом с редактора, издателя и владельца типографии. Бельгард пишет, что не оставил в наследство своему преемнику ни проекта нового закона, ни объяснительной записки к нему, потому что был уверен, что его проект никогда не был бы одобрен. Противники его взглядов считали необходимыми меры предупреждения возможности совершения преступлений посредством печати, так или иначе стеснявшие ее свободу, а Бельгард настаивал на «уничтожении всяких административных стеснений печати при условии установления реальной ответственности за совершаемые посредством печати нарушения закона вплоть до закрытия и ликвидации типографии, без содействия владельцев которой невозможно самое совершение преступлений посредством печати»¹⁹.

Мемуары ценны тем, что предоставляют материал о чиновниках цензурного ведомства – председателе Петербургского комитета по делам печати А. А. Катенине, председателе Комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьеве, цензоре драматической цензуры Н. В. Дризене, члене Совета Главного управления по делам печати О. И. Ламкерте.

Наиболее содержательный рассказ – о «главном человеке» в Главном управлении по делам печати – правителе канцелярии В. С. Адикаевском. Бельгард пишет, что Адикаевский имел большой опыт работы в цензуре²⁰, обладал «совершенно исключительной памятью»: он знал политическое направление каждого издателя, редактора и даже журналиста и был осведомлен об их материальных и личных отношениях, мог по стилю безошибочно определить автора статьи и имел большой авторитет во многих редакциях. Кроме того, Адикаевский обладал чрезвычайно ценным качеством – «особым служебным нюхом» и всегда знал, что, в какой момент можно или нельзя разрешить, не вызывая неудовольствие начальства. Всем было понятно, что, предоставив Адикаевскому широкие полномочия, любой начальник был застрахован от крупных недоразумений с министром.

Адикаевский составлял доклады начальника Главного управления по делам печати министру внутренних дел по поступившим

прошениям об основании новых периодических изданий. В процессе подготовки доклада проходили его встречи и переписка с заинтересованными лицами, по его указанию менялись программы и названия будущих изданий, а иногда и редакторы. Иногда он просил приложить рекомендацию к прошению и сам решал, кто ее должен подписать. Адикаевский рассчитывал время так, чтобы очередной доклад начальника Главного управления министру, происходивший раз в месяц, был готов как раз в последний день, чтобы ничего нельзя было изменить. Многие предшественники Бельгарда считали Адикаевского незаменимым, но Бельгард не мог потерять свою самостоятельность, и Адикаевский в 1906 г. вышел в отставку.

Отдавая ему должное, Бельгард вспоминал, как Адикаевский объявлял редакциям журналов распоряжения министра внутренних дел о запрещении касаться различных вопросов в печати: «Он знал всю подноготную каждой редакции, все их своеобразные приемы сопротивления и все их привычки и слабые стороны, причем в некоторых редакциях он был как бы своим человеком и распоряжался как дома. В этих редакциях телефонного разговора его было вполне достаточно, в других редакциях, наоборот, телефонного сообщения было мало, туда необходимо было сейчас же послать письменное извещение, да еще с указанием часа и минут отправки и вручения конверта, а в некоторые редакции необходимо было сказать, что одновременно посылается письменное сообщение и в нем указать, что оно посылается в дополнение к распоряжению министра, переданному уже в редакцию по телефону в таком-то часу с минутами». Интересно, что Бельгард опровергает известные слухи о том, что Адикаевский брал взятки – он считал это клеветой²¹.

Глава «„Книжная летопись“ и книжные выставки» знакомит читателя с одной из функций цензурного ведомства – государственной регистрацией произведений печати и снабжением ими крупнейших книгохранилищ страны. Работа по созданию «Книжной летописи» проходила при непосредственном участии Бельгарда. В 1906 г. его доклад с изложением программы издания «Книжной летописи» был одобрен Академией наук. В нем Бельгард сообщил, что «при Главном управлении предполагалось создать особую передвижную библиотеку, в которой сосредоточились бы издания, вышедшие в свет в последние 12 месяцев, карточный каталог и наладить выпуск еженедельного библиографического журнала. В задачи библиотеки должны были войти: снабжение государственных книгохранилищ обязательными экземплярами

изданий, выдача библиографических справок, организация выставок печатной продукции и посредничества при купле-продаже книг»²².

Бельгард пишет в воспоминаниях: «„Книжная летопись“, редактором которой с самого ее возникновения был приглашенный мной А. Д. Торопов, просуществовала до общего развала России. Мало того, это, вероятно, почти единственный в России журнал, который, пережив революцию, сохранил свое название и свой внешний вид и продолжает выходить, по-видимому, и поныне в Советской России. Я это знаю потому, что один дотоле неизвестный мне молодой человек, бежавший из СССР, где он окончил вуз и состоял на службе в Центральной книжной палате, зная, что он сделает мне приятное, привез мне последний номер „Книжной летописи“ за август 1931 г., который мне живо напомнил нашу старую „Книжную летопись“ и на котором помечен год издания „двадцать пятый“»²³.

* * *

Кроме сюжетов, касающихся истории печати, в воспоминаниях представлен широкий круг вопросов по политической истории, таким образом, книга является ценным источником по истории России начала XX в.

Примечания

¹ Бельгард А. В. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста Е. Н. Андреевой; коммент. Г. М. Пономаревой, Т. К. Шор, Н. Г. Патрушевой. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 688 с.

² См.: Bellegarde A. Minu mälestusi Eestimaa Kubermestina. Tartu: Loodus, 1937. См. также: Шор Т. Воспоминания бывшего эстляндского губернатора // Балт. арх. 1997. Т. 3. С. 110–119.

³ Мосты. Мюнхен, 1961. № 6. С. 313–318; 1962. № 9. С. 345–351; Николай II: воспоминания, дневники / вступ. ст., примеч. и подгот. текста Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина. СПб., 1999. С. 97–103.

⁴ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 273, 279, 318, 393.

⁵ Дольше его служил только Е. М. Феоктистов – 13 лет.

⁶ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 206.

⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 26. Л. 22–23.

⁸ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 218.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ Там же. С. 259.

¹² Там же. С. 269.

¹³ Там же. С. 266.

¹⁴ Там же. С. 352–358.

¹⁵ Цит. по: Любимов С. Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II // Крас. арх. 1926. Т. 15. С. 230–234.

¹⁶ Имеется в виду издание: Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого. М., 1911–1912. Т. 1–3. Были опубликованы «Хаджи-Мурат», «Ходынка», «Алеша Горшок», «Что я видел во сне» и другие произведения.

¹⁷ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 391.

¹⁸ Там же. С. 391–397.

¹⁹ Там же. С. 350–351.

²⁰ Его стаж к 1905 г. составлял 40 лет.

²¹ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 206–213.

²² Изложение доклада А. В. Бельгарда см.: К истории возникновения «Книжной летописи» // Библиологический сборник. Пг., 1915. Т. 1, вып. 1. С. 29–33.

²³ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 323.